

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма. Ч. I. Теоретическая философія Д. Юма. Москва, 1906.

Изслѣдованіе Н. Д. Виноградова «Философія Давида Юма» посвящено изложенію и оцѣнкѣ возрѣній мыслителя, сыгравшаго огромную роль въ исторіи новѣйшей философіи и тѣмъ не менѣе, по странной несправедливости судьбы, сравнительно мало привлекавшаго къ себѣ вниманіе историковъ. Не только въ русской философской литературѣ мы не находимъ широкихъ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ философіи Юма, ихъ оказывается довольно мало и въ европейской литературѣ. Соотвѣтственно этому и значеніе Юма и даже основной смыслъ его философскихъ взглядовъ нельзя еще считать окончательно и всесторонне выясненными. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія у насъ основательнаго и ученаго труда, пытающагося освѣтить генезисъ и внутреннее содержаніе идей одного изъ оригинальнѣйшихъ философовъ, какихъ знаетъ человѣческая исторія.

Н. Д. Виноградовъ пока напечаталъ только первую часть своего сочиненія, въ которой разсматривается теоретическая философія Юма. Предметъ второй части составитъ моральная философія Юма и его взгляды въ области философіи религіи. Изданная Н. Д. Виноградовымъ работа начинается съ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Д. Юмѣ, при чемъ авторъ старается прослѣдить его умственный ростъ, останавливается на важнѣйшихъ моментахъ его жизни и въ заключеніе даетъ живой образъ его характера и личности. Затѣмъ (гл. II) онъ об-

ращается къ произведеніямъ Юма, относящимся къ теоретической философіи, при чемъ сосредоточиваетъ особенное вниманіе на вопросъ и взаимномъ отношеніи между «Трактатомъ о человѣческой природѣ» и «Исслѣдованіемъ о человѣческомъ пониманіи». Въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ генезисъ теоретической философіи Юма, обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Юма къ античной философіи и къ рационалистической философіи новаго времени и особенно останавливается на ближайшихъ предшественникахъ Юма въ Англіи: Бэконъ, Гоббсъ, Локкъ и Беркли. Въ связи съ этимъ онъ опредѣляетъ задачу теоретической философіи Юма и характеризуетъ ея методъ. Въ четвертой главѣ онъ разсматриваетъ психологическія предпосылки Юма, въ пятой его гносеологическія воззрѣнія и въ шестой — важнѣйшія метафизическія проблемы, затрагиваемыя въ теоретической философіи Юма: о пространствѣ и времени, о внѣшнемъ мірѣ, о душѣ. Въ этихъ главахъ онъ внимательно выдвигаетъ связь Юма съ его предшественниками, особенно въ вопросѣ о законѣ причинности (гл. V). Седьмая глава посвящается принципиальному вопросу о скептицизмѣ Юма. Въ ней авторъ доказываетъ, что Юмъ вовсе не былъ защитникомъ полнаго или абсолютнаго скептицизма, — онъ являлся скорѣе сторонникомъ скептицизма смягченнаго или *академической философіи*, которая воздерживается отъ чрезмѣрныхъ догматическихъ утвержденій и пытается установить опредѣленныя границы для философскихъ изслѣдованій. Напротивъ, абсолютный скептицизмъ, по Юму, находитъ себѣ непобѣдимую препону въ требованіяхъ и вѣрованіяхъ практической жизни.

На этомъ кончается первый отдѣлъ разсматриваемой работы. Въ ея второмъ отдѣлѣ изображается историческая судьба важнѣйшихъ философскихъ концепцій Юма. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двухъ обширныхъ главъ. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ критическое отношеніе къ выводамъ Юма философовъ здраваго смысла—Т. Рида, Дж. Битти, Т. Брауна и др., излагаетъ критику Юмовскаго ученія о причинности у Мэнъ де Бирана и подвергаетъ внимательному анализу вопросъ о вліяніи Юма на Канта. Во второй главѣ разсматривается положительное отношеніе къ принципамъ Юмовской философіи у нѣкоторыхъ мыслителей новѣйшаго времени, — Дж. С. Милля, О. Конта, Э. Лааса, Ф. Паульсена, представителей имманентной философіи,

Р. Авенариуса, Э. Маха. Авторъ не настаиваетъ, чтобы всѣ эти писатели прямо заимствовали свои взгляды у Юма, онъ только справедливо отмѣчаетъ несомнѣнное совпаденіе многихъ ихъ выводовъ съ возрѣніями Юма, а также ихъ собственное признаніе своей умственной близости къ Юму. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на ученіи Дж. С. Милля, котораго онъ считаетъ истиннымъ продолжателемъ и завершителемъ Юмовскаго эмпиризма, придавшимъ основнымъ тенденціямъ Юма болѣе послѣдовательную форму, чѣмъ это сдѣлалъ онъ самъ. Третій и послѣдній отдѣлъ работы содержитъ собственныя критическія замѣчанія автора по поводу главнѣйшихъ психологическихъ и философскихъ возрѣній Юма. Въ нихъ онъ развиваетъ ту общую мысль, что Юмъ не былъ скептикомъ по принципу, что его скептицизмъ лишь стремится указать границы, которыя мы не должны переходить въ нашемъ изученіи опыта, и что существенное значеніе Юма состоитъ въ томъ, что онъ является родоначальникомъ новѣйшаго эмпиризма и позитивизма.

Слабой стороною книги Н. Д. Виноградова представляется нѣкоторая неравномѣрность въ разработкѣ ея отдѣльныхъ частей. И что особенно досадно, — эта неравномѣрность идетъ иногда въ разрѣзъ съ важностью рѣшаемыхъ вопросовъ. Напримѣръ, вопросъ о вліяніи Юма на слѣдующій за нимъ рядъ мыслителей въ XVIII и XIX вв. разработанъ, конечно, болѣе детально, чѣмъ вопросъ о вліяніи на самого Юма его предшественниковъ. И біографіи Юма, и оцѣнкѣ его сочиненій, и изложенію его предшественниковъ, и изложенію самого Юма со всѣми его теоріями посвящено 128 страницъ. Изъ нихъ собственно на предшественниковъ Юма приходится очень небольшая часть. А на философовъ послѣ Юма отдано почти сто страницъ (129—219). Между тѣмъ изъ этихъ двухъ вопросовъ какой важнѣе? Вѣдь авторъ пишетъ монографію о самомъ Юмѣ, а не объ его послѣдователяхъ и, стало быть, для него вопросъ о генезисѣ собственнаго ученія Юма естественно долженъ былъ бы занимать самое главное мѣсто. Наконецъ, авторъ самъ признаетъ, что установить степень непосредственнаго вліянія философіи Юма на взгляды послѣдующихъ философовъ задача довольно затруднительная: никогда нельзя быть увѣреннымъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ логическимъ совпаденіемъ въ ходѣ мысли или съ заимствованіемъ. Объ этомъ не разъ говорится въ книгѣ (напр., на стр. 205, 219—

220 и т. д.). Но черезъ это вообще работа въ этомъ направленіи теряетъ прочную почву.

Подобная же неравномѣрность замѣчается и въ объясненіи генезиса отдѣльныхъ теорій Юма. Напримѣръ, предшественники Юма въ ученіи о причинности изложены и разобраны гораздо подробнѣе, чѣмъ его предшественники въ ученіи о законахъ ассоціаціи. По поводу послѣдняго вопроса, Аристотель, Гоббсъ Спиноза, Локкъ упоминаются лишь въ заключеніи (стр. 224), притомъ въ очень общемъ и суммарномъ видѣ. И это только въ заключеніи, а тамъ, гдѣ излагается и разбирается ученіе объ ассоціаціяхъ у Юма, никакой исторической перспективы не оказывается (ст. 61). Читатель готовъ повѣрить Юму, что ни одинъ философъ не пытался перечислить принциповъ ассоціаціи раньше его и что онъ выступаетъ въ этомъ дѣлѣ первымъ. Невольно недоумѣваешь, отчего историческій вопросъ въ этомъ пунктѣ совсѣмъ обойденъ. Еще удивительнѣе, что такимъ же образомъ лишь въ заключеніи упомянуть Д. Гертли; вѣдь онъ раздѣляетъ съ Юмомъ славу основателя ассоціативной психологіи. Казалось бы внимательно остановиться на взаимномъ отношеніи ихъ взглядовъ было бы интересно и благодарною задачею. Какъ бы авторъ ни смотрѣлъ на дѣло, — признаетъ ли онъ ихъ взаимное вліяніе, важно было бы указать, какое оно было и въ чемъ выразилось; не признаетъ онъ этого вліянія, — тѣмъ самымъ ставится вопросъ о причинахъ совпаденія ихъ воззрѣній и о степени этого совпаденія.

Съ гораздо большимъ вниманіемъ останавливается авторъ на историческомъ генезисѣ ученія Юма о причинности. Но и въ этомъ пунктѣ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ. Здѣсь опять сказывается неравномѣрность историческаго освѣщенія. Напримѣръ, авторъ излагаетъ даже малоизвѣстнаго арабскаго философа Алгазела XI—XII вв. (стр. 82), а между тѣмъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предшественниковъ Юма въ его теории причинности І. Глэнвилъ почти обойденъ или, по крайней мѣрѣ, едва намѣченъ (ст. 38, 83—84). Авторъ приводитъ только изъ Глэнвиля довольно обширную цитату (какъ и изъ Алгазела) и этимъ ограничивается. Никакой попытки передать и оцѣнить идеи Глэнвиля въ ихъ цѣломъ онъ не дѣлаетъ. А объ этомъ приходится пожалѣть. Аргументація Глэнвиля разнообразна и оригинальна. Быть можетъ, еще интереснѣе выводы,

которые онъ изъ нея дѣлаеть. Вѣдь тутъ даже не исключительно историческій вопросъ о томъ, существовало или нѣтъ прямое вліяніе Глэнвиля на Юма. Сопоставленіе Глэнвиля и Юма поучительно въ принципіальномъ и логическомъ отношеніи. Глэнвиль, можетъ быть, не такъ рѣшителенъ въ основоположенныхъ скептическихъ разсужденіяхъ, но онъ очень категориченъ въ своихъ отрицательныхъ приговорахъ относительно претензій человѣческой мысли въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ. Возьмемъ вопросъ о чудесномъ и сверхъестественномъ. Какъ онъ различно рѣшается у этихъ двухъ философовъ: Глэнвиль, усомнившись въ законъ причинности и признавъ никакія дѣйствительныя силы въ мірѣ непознаваемыми, не счелъ себя въ правѣ а ргіогі отрицать какія бы то ни было сверхъестественныя вещи. Если мы ровно ничего не знаемъ о внутренней природѣ и внутреннемъ механизмѣ реальныхъ процессовъ, для насъ не должно быть ничего невозможнаго. И вотъ даже отрицаніе вѣдмъ, колдуновъ и всякой средневѣковой чертовщины ему кажется легкомысленнымъ самообольщеніемъ разума. Совсѣмъ иначе разсуждаетъ Юмъ. Его остроумная глава «о чудесахъ» въ «Исслѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» представила блестящій примѣръ для подражанія послѣдующимъ писателямъ, которые а ргіогі доказывали невозможность сверхъестественныхъ явленій. Опредѣливъ чудо, какъ нарушеніе законовъ природы, Юмъ выводитъ изъ этого, что никакія человѣческія свидѣтельства и даже собственныя наблюденія, какъ бы они ни были безукоризненны, не могутъ быть признаны въ качествѣ доказательствъ чуда, т.-е. нарушенія того, что удостовѣряетъ *общій* опытъ. Любопытно при этомъ, что въ качествѣ примѣровъ сверхъестественныхъ явленій Юмъ по большей части приводитъ такіе факты, которые въ наши дни не счелъ бы невозможными ни одинъ психопатологъ, знающій о явленіяхъ сомнамбулизма и внушенія. Совсѣмъ несообразнымъ представляется только второй изъ приведенныхъ Юмомъ случаевъ, заимствованный имъ у кардинала Ретца, — разсказъ о Сарагосскомъ соборномъ сторожѣ, у котораго вторично выросла нога отъ втиранія священнаго масла. Напротивъ, чудеса Веспасіана легко объясняются изъ дѣйствія внушенія на истеричныхъ субъектовъ, а чудеса на могилѣ аббата Пари обыкновенно подробно излагаются въ исторіяхъ гипнотизма, эпидемическихъ психическихъ заболѣваній и т. д. А Юмъ настойчиво требуетъ, чтобы

всѣ эти факты признавались за ложь и выдумку, не смотря ни на какія свидѣтельства и доказательства. Тутъ не только очень любопытно историческое различіе настроеній у двухъ столь сходно мыслящихъ людей, какъ Глэнвиль и Юмъ; тутъ невольно возникаетъ принципиальный вопросъ: кто изъ нихъ болѣе правъ логически въ этомъ дѣлѣ при тѣхъ скептическихъ посылкахъ, изъ которыхъ они оба исходили?

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ является и другой вопросъ, еще болѣе принципиальный: въ какой степени Юмъ былъ скептикомъ въ своей философіи? И вотъ по этому поводу мнѣ приходится сдѣлать Н. Д. Виноградову упрекъ, въ моихъ глазахъ довольно серьезный: въ его книгѣ неожиданно смутно и сжато отмѣченъ пунктъ, для него особенно важный, — тонкія, яркія, богатые наглядными примѣрами соображенія Юмъ о *нелогичности* всѣхъ нашихъ заключеній къ будущему, а, стало быть, и всѣхъ нашихъ выводовъ о причинныхъ связяхъ. Въ книгѣ Н. Д. Виноградова эти соображенія излагаются въ очень общихъ фразахъ и характеристикахъ. Собственно, прямо относится къ этимъ соображеніямъ только одно мѣсто (стр. 96). А между тѣмъ, въ «Исслѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» (глава IV, II ч.) этимъ соображеніямъ посвященъ рядъ страницъ съ цѣлою кучей примѣровъ (приводятся и хлѣбъ, и снѣгъ, и деревья, и яйца, и передача движенія отъ однихъ тѣлъ къ другимъ и т. д.). И на всѣхъ этихъ примѣрахъ подробно и остроумно, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, доказывается *неправомѣрность* логическаго перехода отъ прошлаго къ будущему и о совершенномъ отсутствіи рациональных оправданій для идеи единообразнаго порядка природы. Эту мысль Юмъ съ увлеченіемъ старается развить и выяснить до полной прозрачности и неотразимости. А Н. Д. Виноградовъ излагаетъ только очень суммарный результатъ этихъ разсужденій, притомъ въ формулахъ довольно тусклыхъ и очень короткихъ. Зачѣмъ нужно было такъ ослаблять Юма въ этомъ пунктѣ? Вѣдь, казалось бы, автору слѣдовало обратить на него особенно большое вниманіе. Правда, взглядъ автора на скептицизмъ Юма не совсѣмъ ясенъ, и онъ колеблется въ своемъ окончательномъ приговорѣ; но все же онъ явно склоняется къ тому, чтобы смягчить скептическій элементъ въ философіи Юма, даже по возможности устранить его, и готовъ видѣть въ Юмѣ просто эмпирика и позитивиста. Между тѣмъ

въ разсужденіяхъ Юма, о которыхъ сейчасъ было сказано, заключается главное возраженіе противъ такой оцѣнки. Отодвинувъ ихъ на второй планъ, авторъ, конечно, облегчилъ себѣ трудъ, но его изложеніе черезъ это получило едва ли желательный оттѣнокъ тенденціозности.

Въ частности въ этихъ же соображеніяхъ Юма заключается главное возраженіе противъ толкованія автора отношенія Дж. С. Милля къ Юму. По мнѣнію автора (стр. 167), Милль есть истинный продолжатель и завершитель Юмовскаго эмпиризма. Онъ устранилъ непослѣдовательность въ ученіи Юма, подведя и математику, которую Юмъ считалъ независимой отъ опыта, подъ категорію эмпирическихъ наукъ. По отношенію къ математикѣ авторъ, пожалуй, правъ: Милль тутъ оказался болѣе послѣдовательнымъ или, если угодно, болѣе одностороннимъ эмпирикомъ. Но правильно ли сказать, что Милль только продолжалъ Юма или даже шелъ дальше его въ своей оцѣнкѣ эмпирическаго знанія вообще? Вѣдь онъ написалъ систему индуктивной *логики*; а по Юму, въ индуктивныхъ обобщеніяхъ нѣтъ *никакой логики*. Можно ли ихъ взгляды считать одинаковыми? Для Милля и единообразіе природы, и законъ причинности суть достовѣрныя объективныя истины, хотя и эмпирическаго происхожденія; по Юму, можно ли ихъ такъ назвать? Итакъ, во всемъ этомъ Милль никакъ не продолжатель Юма, да еще идущій дальше его. Здѣсь даже мало сказать, что онъ его смягчаетъ, — онъ просто высказываетъ діаметрально противоположный взглядъ.

Быть можетъ слѣдовало бы сдѣлать автору и еще одинъ упрекъ, хотя его ему пришлось бы раздѣлить съ очень многими изслѣдователями о Юмѣ: въ его книгѣ недостаточно выдѣлено и обрисовано *положительное* содержаніе философскаго міровоззрѣнія Юма. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни былъ скептиченъ философъ въ своей оцѣнкѣ человѣческаго знанія, онъ всегда все же *философъ*, т.-е. имѣетъ какой-нибудь опредѣленный взглядъ на вещи, который, обыкновенно, играетъ не малую роль и въ его отрицательныхъ выводахъ. Это можно сказать даже о такихъ критикахъ познанія, какъ Кантъ, — это относится и къ Юму. Для меня лично не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Юмъ былъ настоящимъ скептикомъ и что онъ въ своихъ отрицательныхъ приговорахъ о человѣческомъ знаніи шелъ значительно

дальше своихъ болѣе умѣренныхъ и сдержанныхъ послѣдователей въ XIX столѣтіи,—но я все же понимаю, почему его скептицизмъ до сихъ поръ вызываетъ недоумѣніе и споры. Стоитъ хорошенько вчитаться въ Юма, чтобы ясно замѣтить, что для него самого его скептицизмъ (или скептически растолкованный чистый эмпиризмъ) представляетъ скорѣе лишь *reductio ad absurdum* притязаній мысли на познаніе сверхчувственной дѣйствительности, чѣмъ серьезное и окончательное убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ, его философія далеко не ограничивалась одними отрицательными выводами даже въ своей чисто теоретической части. У него было нѣкоторое положительное міросозерцаніе, къ которому онъ относился уже вполне серьезно и которое являлось очень оригинальнымъ для своего времени по рѣзкости и радикализму своихъ натуралистическихъ тенденцій. Въ цѣляхъ оправданія этого міросозерцанія Юмъ часто прибѣгалъ къ скептическимъ доводамъ, но ихъ значеніе колеблется въ его глазахъ въ зависимости отъ того, противъ чего онъ ихъ направляетъ. Они ему представляются достаточно сильными, чтобы совсѣмъ подорвать логическій кредитъ у трансцендентныхъ идей о Богѣ, Провидѣніи, душѣ, безсмертіи, свободѣ и т. д.; но они уже не кажутся ему въ такой степени неотразимыми, когда подымается вопросъ о реальности внѣшняго матеріальнаго міра (любопытно по этому вопросу его отношеніе къ аргументаціи Беркля: онъ не только ее усваиваетъ цѣликомъ, но и развиваетъ дальше, и тѣмъ не менѣе къ окончательному выводу Беркля, что матеріальный міръ есть *только представленіе*, онъ относится съ явной ироніей); и эти скептическіе доводы совсѣмъ теряютъ для него свою силу, когда онъ начинаетъ доказывать непоколебимое господство законовъ природы, абсолютный детерминизмъ человѣческой воли или абсолютную невозможность чего-нибудь сверхъестественнаго на свѣтѣ. Одинъ и тотъ же законъ причинности — въ однихъ главахъ является субъективной иллюзіей нашего воображенія, въ другихъ объективно-властнымъ закономъ самихъ вещей. Отсюда получается тотъ своеобразно капризный ходъ мысли, который такъ затрудняетъ пониманіе сочиненій Юма, если не имѣть постоянно въ виду его серьезный и положительный взглядъ на вещи, которымъ онъ невольно смягчалъ и регулировалъ свои сомнѣнія. И вотъ нельзя не пожалѣть, что, по крайней мѣрѣ въ этой части своего труда, авторъ не дѣлаетъ по-

пытки охарактеризовать это положительное міросозерцаніе Юма: это нужно было бы сдѣлать.

Это міросозерцаніе интересно не только по своему содержанію, но и по своему генезису. Въ немъ соединяются странныя особенности. Съ одной стороны, какъ основа всякаго убѣжденія въ реальномъ бытіи, выдвигается вѣра. Но въ то же время не ко всѣмъ предметамъ вѣры, даже наиболѣе обычнымъ, Юмъ относится одинаково. Теологическія вѣрованія въ немъ постоянно вызываютъ сдержанную иронию и это въ такую эпоху, когда сознательные атеисты въ Англіи и Шотландіи далеко не были зауряднымъ явленіемъ; то же самое можно сказать о вѣрѣ въ существованіе души, свободы и т. д. За то вѣру во внѣшній матеріальный міръ онъ усваиваетъ совершенно серьезно, и не только вѣру въ фактъ существованія внѣшнихъ вещей, но и въ абсолютное единообразіе природы (хотя самъ же доказывалъ отсутствіе логическихъ основаній для такой вѣры) и въ абсолютное господство надъ всѣми явленіями физико-механическихъ законовъ. Въ результатѣ міросозерцаніе, въ которое вѣритъ Юмъ, пріобрѣтаетъ ясно выраженный матеріалистическій обликъ. Откуда же взялся этотъ матеріалистическій складъ въ умственномъ настроеніи Юма? Возникъ ли онъ самопроизвольно? Или онъ навѣянь Габбсомъ? Или онъ явился плодомъ знакомства Юма съ античною философіей? Н. Д. Виноградовъ утверждаетъ, что своею личною жизнью Юмъ воскрешаетъ типъ эпикурейскаго мыслителя. Съ эпикурейцами Юмъ несомнѣнно былъ знакомъ и нерѣдко говоритъ о ихъ моральныхъ воззрѣніяхъ; въ «Исслѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» онъ защиту своихъ взглядовъ на провидѣніе и будущую жизнь влагаетъ въ уста Эпикура; главную задачу философіи онъ видитъ въ разрушеніи суевѣрій и т. д. Не были ли для него эпикурейцы въ годы его юности тѣмъ же, чѣмъ были Демокритъ и Аристотель для Лейбница? Я лишь ставлю вопросъ, но никакъ не рѣшаю его. Я настаиваю только, что вопросъ о содержаніи и возникновеніи дѣйствительнаго міросозерцанія Юма еще ждетъ своего рѣшенія.

Вотъ тѣ главныя замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать. Перечисленные недочеты не заслоняютъ однако крупныхъ достоинствъ разсматриваемой книги. Ея строго-научная обработка, широкая начитанность автора по всѣмъ разнообразнымъ философскимъ

и научнымъ вопросамъ, какіе ему приходится затрагивать въ своемъ сочиненіи, животрепещущій интересъ темы, наконецъ, простота и ясность его изложенія, все это заставляеть признать его трудъ солиднымъ и цѣннымъ вкладомъ въ русскую философскую литературу и пожелать автору такъ же хорошо завершить свое изслѣдованіе, какъ онъ его началъ.

Л. Лопатинъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи:

- М. В. Бернацкій.** Къ аграрному вопросу. Москва, 1906. С. 81.
Ц. 30 к.
- Кн. Григорій Волконскій.** Обязательная наследственная аренда. Съ предисловіемъ А. А. Карелина. Спб., 1906. Ст. 26.
- Вопросы момента.** Сборникъ статей. Москва, 1906. Ст. 256.
Ц. 80 к.
- Библиотека «Свѣточа».** А. Г. Горняфельдъ. Муки слова. Спб., 1906.
Ст. 47. Ц. 20 к.
- Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго.** Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I, Москва, 1906. Ст. VII+389.
Ц. 1 р.
- Итоги и перспективы.** Москва, 1906 г. Ст. XVI+216. Ц. 8с к.
- Адр. Круковскій.** Владиміръ Соловьевъ, какъ мыслитель и человекъ. Вильна, 1905 г. Ст. 45. Ц. 10 к.
- Его же.** Характеръ творчества Ибсена. Вильна, 1906. Ст. 35.
Ц. 10 к.
- Н. Лосскій.** Обоснованіе интуитивизма. Спб., 1906. Ст. VIII+368
Ц. 2 р.
- И. М. Любомудровъ.** Введеніе въ исторію метафизики. Ковровъ, 1906. Ст. 24. Ц. 15 к.
- Мих. Оленовъ.** Идеологія русскаго буржуа. Москва, 1906. Ст. 118. Ц. 50 к.
- Памятники эфиопской письменности.** «Изслѣдованіе Зара-Якоба». Изданіе текста и переводъ Б. Тураева. Спб., 1904. Ст. 62.
- И. Чернышевъ.** Памятная книжка Марксиста. Спб. 1906. Ст. I. XXX+240. Ц. 1 р.